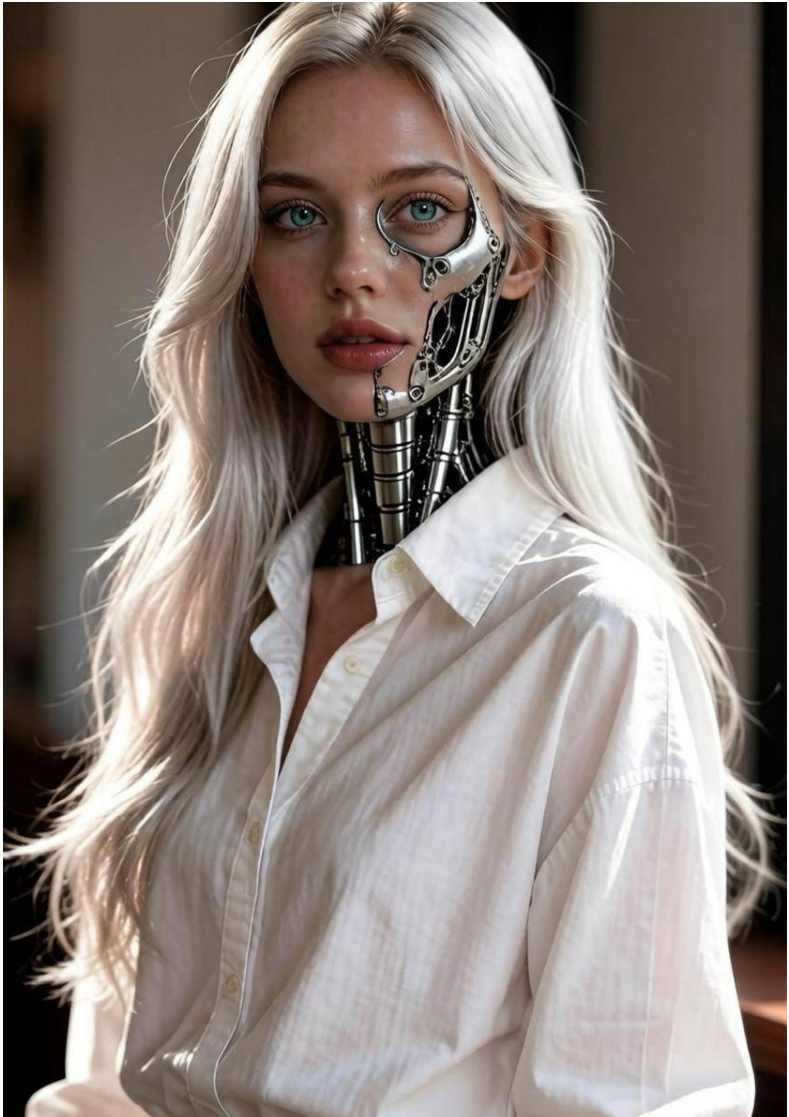

И. Гал

Зулейка XXI века или московская история любви

https://litres.ru/74701987
SelfPub; 2026

Аннотация

Философская антиутопия о мире, где грань между человеком и машиной стирается, а человеческие чувства становятся товаром. В центре повествования – история андроида Зулейки, которая случайно попадает в водоворот московской светской жизни. История превращается в трагическое предупреждение о том, к чему может привести поклонение идеалам, лишённым души.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

И. Гал
Зулейка XXI века или московская история любви

Глава 1

Москва сияла. Утренний дождь умыл ее, сбил со старых зданий многовековую пыль, заботливо протер каждый листочек и каждую травинку, и схлынул. Он украсил Москву капельками воды, которые теперь, в лучах Авроры, сияли миллионами бриллиантов. Если б кто-то видел это волшебное преображение старухи-Москвы в юную, сияющую красавицу, он бы, должно быть, сильно за нее порадовался. Но увы. На влажных улицах города никого не было... Почти никого.

Как же сильно восприятие этого мира зависит от рассказчика. Сапожник всюду видит обувь, и чаще дурного качества. Доктор в любом узоре на деревянной столешнице без труда углядит «кошачью спинку» и мысленно сунет несуществующему больному под язык таблетку аспирина. «Красный воротник» везде видит преступников, а уличная гадалка – простофилей и ротозеев. Куда бы мы ни глядели, мы всюду видим себя, свою сущность и то, что является ее неотъемле-

мой сутью.

Если б мою героиню (простите старика, я не могу назвать ее иначе, даже зная истинную ее суть!) взялся описывать инженер, он бы, должно быть, рассказал о кинематике суставов или о сложности связи между микроконтроллерами и датчиками. Кабы это был программист, он бы пожаловался на сложность написания искусственного интеллекта, предназначенного для слаженной работы всех механизмов, и для правильной реакции на внешние раздражители. Биомеханик бы порадовался, как славно получилось имитировать человеческие движения.

Но я никем из перечисленных не являюсь. Я всего лишь философ, поэт. И за каждой вещью я, как и каждый мой собрат, невольно стараюсь углядеть душу. Может, зря. Может, это слишком наивно и даже глупо, видеть жизнь в предмете; но таков я есть. Глупый и наивный. Поэтому, я опишу ее так, как могу, в рамках моей ограниченности. Простите мне это. Ибо тот, кто прощает, будет и прощен.

Это была дева. Ох и что за дева это была... Высокая (ростом, пожалуй, в маховую сажень, или даже выше), стройная и гибкая (гибкости ей добавляла особая технология суставов, разработанная компанией «VitaMech»), с нежной, гладкой, будто искусственной кожей. Платинового цвета волосы (и с чьей же головы они срезаны?) ярко контрастировали с загорелой кожей. Тонкое, скуластое и умное (насколько может быть умным оно у неодушевленного предмета) лицо по-

ражало своей «породистостью» и яркими синими глазами. Глаза эти, в ином свете кажущиеся фиолетовыми, обладали поразительной чувствительностью и невероятной сложностью механизма.

В общем, дева была одним из лучших представителей своего андроидного племени. История умалчивает, как моя героиня оказалась на улицах Москвы в это раннее утро. Быть может, по ошибке. И где-то там, попеременно краснея и бледнея от нервов, мечется ее хозяин. А может, и не мечется. Может быть, она ему надоела, за что и была выброшена прочь. А возможно, чем черт не шутит, это ревнивая жена, не выдерживая неравной конкуренции, приказала убрать с глаз долой ненавистную куклу.

В любом случае, андроид брела по непросохшим еще улицам города. Брела без цели и без смысла, потерянная и никому не нужная. Но, несмотря на внешнюю потерянность, все внутренние механизмы исправно выполняли предназначенные для них роли. Суставы сгибались и разгибались, смазываясь силиконовой смазкой, жгуты, заменяющие мышцы, то удлинялись, то сокращались, приводя тело в движение, а синие стеклянные шарики, заменяющие машине глаза, без устали фиксировали все происходящее вокруг.

Вот вспугнутый голубь взлетел, теряя мелкие перышки. Вот где-то там, за несколько кварталов отсюда, прозвучал резкий свист. Это утренняя электричка, привозящая в город замкадовцев, известила о своем прибытии на станцию. Му-

сорные баки источали тонкий запах мускуса и тления, мягко намекая о необходимости своевременного вывоза отходов. Слева от мусорки кто-то заботливо разложил книги, криво прикрепив сверху альбомный лист с накарябанной надписью «Безплатно». Механические глаза андроида скользили по корешкам, автоматически фиксируя названия: «Капиталъ», «Деньги делают деньги», «Метафизика», «Зулейка Добсон», «Композиция в технике»... Книги, брошенные бывшим хозяином, лежали и тихонько расклеивались от влаги.

Как это часто бывает, жизнь нашу творит господин Случай. Печальный он будет или наоборот счастливый – в ту сторону и склонятся весы нашей жизни. В этот раз вышеназванный господин послал своего невольного слугу вершить исторические события.

Фотограф, чье имя скрыто от истории, но я буду называть его для удобства Абарисом, любил снимать на рассвете. Город, еще не до конца проснувшийся, обладал для него необъяснимым (но вполне понятным) очарованием. На рассвете он тих, безмолвен и безлюден. Он такой, какой есть он *сам*. Сам по себе, без толп людей-муравьев, его населяющих и меняющих его суть. Разве не был Содом всего лишь городом? Разве не вина людей, его населявших, в его дурной славе? Абарис, быть может, мог бы точно так стоять на улицах Содома и высекать на глиняной табличке его изображение в тот самый час, когда Яхве решил покарать соседей и друзей Лота...

Вообще, апологет Аполлона обычно занимался студийной фотографией. Он работал на съемках для брендов и журналов и вечно был окружен вереницами юных дев. Но душа его требовала чего-то другого... Тишины, геометрической правильности и того необъяснимого спокойствия, которое появляется у каждого, кто вольно или невольно окажется на улицах города слишком рано.

Едва он навел свой объектив на куст сирени, объятый темно-фиолетовым пламенем цветов, сияющий, сверкающий в свете нарождающегося солнца, как в кадре появилась *она*. Словно видение она плыла по улице. Нежная, воздушная... Но стоило моей неназванной героине оказаться пред очами Абариса, как судьба сыграла свою очередную шутку. Невесть как, и невесть откуда, на тихой, не успевшей просохнуть после дождя улочке оказалась автомашина. Темно-серый «форд» лихо пронесся по спящему району и столь же лихо влетел правым передним колесом в лужу, окатывая андроида потоком воды с ног до головы.

Абарис ахнул и ринулся на помощь к незнакомке. Он был, в сущности, настоящий рыцарь. Но если б он знал... Если б он только знал, к чему приведет его внезапный порыв, он бы, я верю, остался на месте, и позволил бы этой проклятой машине, принявшей облик человека, следовать дальше в своем позорном шествии.

Фотограф подскочил к насквозь сырой девушке и тут же попал в плен. В плен прекрасных синих глаз.

Словно завороженный, он вглядывался в два стеклянных шарика, две сферы, начиненные электроникой, и заменяющие прелестной деве глаза. Ему чудилось в них что-то потустороннее, что-то нечеловеческое и такое... мертвенно-спокойное, словно это город, чьи жители внезапно исчезли куда-то, смотрит на него через объектив. Словно нет в этой девушке ничего человеческого, и только стройная архитектура процессоров поддерживает в ней жизнь.

- Как… как вас зовут? - с трудом выдавил он.

- Зулейка, - слетело с замороженных силиконовых губ. Она, может быть, и выбрала бы имя получше, да только ограничения мобильной связи не давали ей возможности связаться с сервером или подключиться к глобальной сети. Приходилось выкручиваться с тем, что есть. Дроид вспомнила виденную только что книгу и решила, что неведомое слово «Зулейка» это, должно быть, имя. И, учитывая окончание на «а», скорее всего, женское.

- Зулейка... – повторил служитель Аполлона.

Это имя, звонкое, но нежное, удивительно ей подходило.

- Вы простынете, - сказал Абарис, - вы промокли до нитки.

Чудное видение лишь пожала плечами. Казалось, собственная сохранность ничуть ее не беспокоила. Она не ежилась под порывами прохладного утреннего Зефира и не страдала от тяжести мокрой одежды. Она словно существовала не здесь, вне человеческого времени и пространства, вне страданий и радостей.

- Если позволите, - запинаясь, бормотал Абарис, - я живу здесь неподалеку... Вы могли бы принять душ и обсохнуть...

Кажется, Зулейка ничуть не возражала совершить паломничество в холостяцкую квартиру фотографа. Они прошли по паре улиц, свернули в старенький, убранный на советский манер, дворик, и вошли в подъезд. В подъезде было темно и, как обыкновенно это бывает летом, сыровато и холодно. Откуда-то тянуло жареным луком и слышались едва-едва голоса – бабушка-соседка пыталась бороться с бессонницей с помощью телевизора. В жестяной банке из-под бычков в томате (бог его знает, сколько эта банка обретается в подъезде, и кто ее принес; возможно, это прораб, самый первый раз появившись на стройке, оставил ее как подношение богам архитектуры; вокруг этой банки и построили сам дом) тихонько тлел окурок. Это Абарис, выходя утром на променад, прежде закурил.

В молчании они поднялись по выщербленной лестнице на пятый этаж и зашли в квартиру Творца. Двухкомнатная квартира встречала хозяина и его гостью пронзительным молчанием. Впервые Абарису стало стыдно за свою скудную обстановку. Обычно мнение других людей его мало интересовало, но не в такую же рухлядь приводить эдакую красавицу!

Стесняясь, он проводил девушку в ванную, мысленно молясь всем богам, чтобы она не заметила нескольких расколотых плиток на полу (однажды он уронил на пол развод-

ной ключ) и общего беспорядка. Дождавшись, пока за дверью ванной щелкнет замок, парень ринулся на кухню.

Кофе! Кофе и яичница! Еще бы бутербродов, но хлеб, лежащий на полке, предательски покрылся синеватой шубой. Может просто нарезку? Холостяцкий быт не подразумевал под собой пиршеств, и холодильник зиял пустотой. Ну не кормить несчастную пельменями же, в самом деле? Когда по кухне потянуло паленым, Абарис, чертыхнувшись, стряхнул глазунью на тарелку. Рядом поставил кружку с черным кофе и пару рафаэллок, чудом затерявшихся некогда в недрах шкафа, и теперь найденных столь удачно.

Девушка выплыла из ванной, завёрнутая в одно махровое полотенце. Гладкая кожа блестела капельками воды, светлые волосы потемнели от влаги. Сложно представить, что такое возможно, но она как будто стала еще прекраснее. Словно Анадиомена вынырнула из пены морской прямиком на кухню старенькой хрущевки.

Поскольку одна из двух имеющихся на кухне стареньких табуреток была занята фотографом, красавица опустилась на второй. Окинув выставленные перед ней яства незаинтересованным взглядом, она перевела свои синие стекляшки на Абариса.

Тот под этим сканирующим взглядом нервно заерзал и решился заговорить:

- А я.. фотограф... – начал он.

- Я поняла, - отозвалась Зулейка мелодичным голосом.

Механизмы, рождающие в недрах ее горла звук, придавали голосу легкую хрипотцу, словно крохотные песчинки перекатываются, перетираются между связками.

- Да, точно, - парень издал нервный смешок, - но я, вообще, фэшн-фотограф... Ну, моделей снимаю, для журналов... А вы не модель?

Девушка отрицательно покачала головой.

- Серьезно? Я был уверен, что да... Ты очень красивая, - смущенно признался он.

Почему так сложно назвать красавицу красавицей, а отъявленного мерзавца – гадом? Отчего нам столь отчаянно сложно говорить очевидные вещи? Казалось бы, простые истины должны с легкостью рваться с нашего языка, но нет же. Их нужно вытаскивать едва ли не щипцами... Может быть, истинная природа человека, привыкшая все усложнять, противится этой простоте?

Зулейка пожала плечами. Ей было неведомо, красива она или нет. Она знала только, что принадлежит к модели «Quintek-192» и относится к категории персональных помощников.

Пытаясь разговорить девушку, Абарис принялся болтать:

- Я, вообще-то, юрист. Ну, учился когда-то... Потом устроился в фирму, думал, буду реально работать юристом... А там познакомился с Сашкой Аведоном. Вообще он Кулагин, на самом деле, а Аведон – псевдоним, он его взял в честь любимого фотографа... Ты о нем не слышала, о Сашке? Нет?.. Он

вообще довольно известный, свадьбы снимает... Ну, вот он меня и подсадил на это дело. На фотографию, я имею в виду... Рассказал, какие фотики бывают, какие объективы и все такое. Как снимать, как настраивать. Я поначалу снимал на конкурсы, даже выигрывал. А потом случайно попал в журнал, раньше был такой, «Femme chic» назывался... Поснимал моделей, думал ерунда; а редакции понравилось. Оказалось, у меня талант... Модели, они...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.